

Б.Е. Фролов

Дискуссионные вопросы биографии атамана З.А. Чепеги

Захарий Алексеевич Чепега принадлежит к числу наиболее видных и колоритных представителей черноморского казачества конца XVIII века. От рядового запорожского казака до атамана Черноморского казачьего войска и генерал-майора русской армии – таков его служебный рост за сорок с небольшим лет. Пусть и не быстрая, но все-таки блестящая карьера. С именем З.А. Чепеги связаны многие судьбоносные для молодого казачьего войска события.

Неудивительно, что личности Чепеги отведено заметное место в кубанской историографии. Ему посвящены и специальные исследования, о нем, естественно, писали и авторы общих работ по истории Кубани. Тем не менее биография атамана изобилует лакунами. Это и не удивительно, ибо сведения о нем (особенно о первой трети жизни) крайне скупы, фрагментарны и противоречивы. И сегодня актуальны слова историка Ф.А. Щербины, сказанные почти сто лет назад: «Нет прежде всего прямых и точных указаний относительно происхождения Чепеги. Неизвестно также, как и когда он появился в Запорожской Сечи» (1).

Как явствует уже из названия статьи, автор совсем не планирует написать полную и хронологически выдержанную биографию З.А. Чепеги. Цель настоящей работы заключается в том, чтобы на основе источников (как опубликованных, но полузабытых, так и вновь выявленных) прокомментировать отдельные узловыe эпизоды из жизни З.А. Чепеги, попытаться опровергнуть откровенно ошибочные суждения, выявить позиции, по которым не может быть безапелляционно однозначного ответа, и где вместо точки уместно поставить знак вопроса.

По свидетельству П.П. Короленко, З.А. Чепега родился в 1726 г. в селении Борки Черниговской губернии и происходил из знатного рода Кулишей (2). Документально подтвердить или опровергнуть указанную дату рождения мы не можем, до сих пор неясно, как ее вычислил сам П.П. Короленко. Зато нам удалось разыскать документ, на основании которого П.П. Короленко определил место рождения. Это письмо, подшитое среди писем и других бумаг войскового судьи А.А.

Головатого (3). Фамилии адресата нет, очевидно, она имелась на конверте. Начинается письмо с обращения «Ваше Высокородие». Этот титул соответствует 5 классу «Табеля о рангах» (4). А.А. Головатый на момент написания письма (3 июля 1793 г.) имел чин армии полковника и относился к 6 классу с титулом «Ваше высокоблагородие» (5). Действительно, во всех письмах этих лет к Головатому обращались именно так. Таким образом, если письмо адресовано в Черноморское войско, то единственным человеком в нем, имеющим право на титул «Высокородие», мог быть только бригадир Чепега.

Далее автор письма сообщает, что адресат, проезжая через Береславскую переправу, «поминал свое природное место и отечество Борки» и в заключение пригласил автора приехать к нему за подаянием на церковь прямо в Тамань. Но весной 1793 года через Береслав и далее на Тамань двигался отряд войскового судьи А.А. Головатого (6). Атаман З.А. Чепега выступил в поход 2 сентября 1792 года, 23 октября достиг границ войсковой земли и остановился на зимовку на Ейской косе. Шел он так называемым «северным путем» и в Тамань попасть никак не мог. 10 мая 1793 г. З.А. Чепега выступил в поход с Ейской косы по направлению к строящейся крепости Усть-Лабинской. А не мог ли атаман, оставив своих казаков зимовать на Кубани, съездить на Украину и вернуться коротким путем через Крым и Тамань? В принципе мог, но данных об этом не имеется. Наоборот, целый ряд документов ноября 1792-января 1793 гг. подтверждает присутствие атамана на Ейской косе. В середине февраля З.А. Чепега посетил Таврического губернатора С.С. Жегулина в Феодосии (7). В начале марта он вернулся к своей команде, а где-то в апреле съездил на Тамань «для обозрения всех тамо находящихся наших команд». Времени на «украинский вояж», кажется, не остается. Таким образом, точно установить личность получателя письма по имеющимся данным не представляется возможным.

Теперь по вопросу о происхождении Чепеги «из знатного рода Кулишей». В историографии существует альтернативная точка зрения, опирающаяся на документальные свидетельства. Сотрудники Краснодарского краевого архива установили, что родная сестра З. Чепеги Дарья была замужем за крепостным крестьянином Кулишом, принадлежавшем помещику Полтавской губернии майору Левенцу, и трое ее сыновей, даже в бытность Чепеги атаманом, числились у «помянутого помещика в крестьянстве» (8). Девушку из знатного рода вряд ли бы отдали за крепостного, да и фамилия «Кулиш», оказывается, принадлежит крестьянину.

Еще один штрих к вопросу о родословной атамана. Совсем недавно

в одной из монографий появилось сообщение об албанском происхождении З. Чепеги (9). Ничего необычного в подобном факте нет, так как выходцев с Балкан в казачьих войсках было немало, в турецкой и русской армиях этого периода арнауты исчислялись тысячами. К сожалению, автор не указал использованного источника и мы, не зная степень его надежности, принимаем это свидетельство за одну из версий.

Несколько слов о фамилии (прозвище, кличке) атамана, данной ему, вероятно, в Запорожской Сечи. Словарь украинского языка толкует слово «чепига» как деревянную рукоятку (или две) плуга (10). В специальной литературе указывается, что левая и правая чепиги представляют важный элемент плуга и состоят из двух частей: нижней, называемой «полоз» или «подошва», и верхней, за которую держится пахарь, то есть собственно ручек (11).

Слово «чепега» в войсковых документах конца XVIII-нач. XIX вв. встретилось нам в нескольких орфографических вариантах, самый необычный – «чепуга» (12). Фамилия атамана писалась «Чепега» через «ять», «Чепега» через «е», «Чепига» и «Чапега». Первый вариант с написанием через «ять» используется в подавляющем большинстве случаев (скажем, в 98 из 100). Это не удивительно, все делопроизводство велось на русском языке. Но столько же часто такое же написание мы встречаем и в приватной переписке. В любой работе по палеографии мы узнаем, что дифтонг, обозначаемый буквой «ять», уже к концу XVII в. совпал со звуком «е» (на Украине чуть позже). В историографии встречаются два варианта: «Чепега» и «Чепига». Мы употребляем первый вариант, следуя первоисточникам, многие из которых носят характер важнейших правовых актов: документы русского генералитета, чиновников высших рангов, князя Г.А. Потемкина и самой императрицы Екатерины II.

Справедливости ради надо заметить, что в текущей переписке орфографическое оформление фамилии атамана могло зависеть от уровня образованности конкретного чиновника или писаря. В документах изредка, но встречаются слова, где буквой «ять» обозначается звук «и» (например, слово «пика»). В заключение укажем, что владельческая надпись на личном пистолете атамана, ныне хранящемся в Государственном Историческом музее, выглядела так: «Захаріи Чапега 1793» (13).

Теперь об имени Захария Алексеевича. Во многих бумагах Запорожской Сечи и ранних документах войска верных казаков его называют также Харьком и Харитоном. А.А. Скальковский приводит указ на имя «Харька Чепеги» (14). В материалах, опубликованных Е.Д.

Фелицыным, имеется сразу несколько документов на имя Харитона Чепеги, подписанных кошевым атаманом П. Калнышевским (15). Вступив в войско верных казаков, З. Чепега свой (возможно, первый) приказ от 24 (или 28) ноября 1787 года начал так: «Ордер капитана Харитона Чепеги» (17). В частном письме от 24 мая 1788 г. к Чепеге обращаются: «Милостивый государь мой Харитон Алексеевич» (18). 25 июля 1788 г. полковник Мокрый рапортует войсковому атаману Харитону Чепеге (19). Одновременно, причем чаще, упоминается имя «Захарий», которое со второй половины 1788 г. полностью вытесняет имя «Харитон».

Подведем предварительные итоги. Они неутешительны: количество и качество имеющихся в нашем распоряжении источников не позволяет сделать уверенного заявления относительно происхождения З.А. Чепеги, времени и месте его рождения, настоящей фамилии.

Где жил и чем занимался будущий атаман Черноморского войска в первые десятилетия своей жизни, тоже ничего не известно. В 1750 г. он появился в Запорожской Сечи и записался на службу казаком Кисляковского куреня (20). Собственно говоря, это первое документальное свидетельство о З. Чепеге, подтвержденное аттестатом, выданным ему в 1775 году. В 1767 г. он возглавляет охрану границы «при Перевизской паланке». В русско-турецкую войну 1768-1774 гг. участвует в походах, партиях, разъездах. После войны, до упразднения Сечи в 1775 году, занимает должность полковника Протовчанской паланки. В 1777 г. мы встречаем З. Чепегу в конвое генерал-поручика князя Прозоровского. 29 декабря этого же года ему пожалован чин армии капитана.

По сведениям первых историков Черномории Я.Г. Кухаренко и А.М. Туренко, последние годы до очередной русско-турецкой войны (1787-1791 гг.) капитан Чепега находился в отставке (21). 20 августа 1787 г. князь Г.А. Потемкин поручил секунд-майорам Сидору Белому и Антону Головатому начать сбор добровольцев в волонтерные команды из казаков, служивших в бывшей Сечи Запорожской (22). 12 октября Г.А. Потемкин выдал открытый лист З.А. Чепеге, где, в частности, говорилось: «объявляю чрез сие всем и каждому... что господин капитан Захарий Чепега, исполнен будучи похвальной ревности и усердия к службе Ея Императорского величества ... предъявил желание собрать волонтеров и с оными употреблен быть при армии, моему начальству вверенной. А потому и дозволяю ему набрать охотников из свободных людей...» (23).

Казалось бы, концом сентября или началом октября и следует определить время прибытия Чепеги к армии. Однако по платежным ведомостям удалось установить, что жалованье З. Чепеге начислялось с

15 августа 1787 г. из расчета трехсотрублевого годового оклада (24). Очевидно, он был в группе бывших запорожских старшин, находившихся при князе Г.А. Потемкине. Поражает и размер установленного для Захария Алексеевича жалованья: 300 рублей – это оклад первого атамана С. Белого. О причинах щедрости светлейшего князя можно только догадываться, но покровительство Г.А. Потемкина к З.А. Чепеге мы встретим еще не раз.

Уже 20 октября капитан Чепега награждается «за усердие» чином секунд-майора. Ему поручается сбор конных казаков. К январю 1788 г. в команде Чепеги числилось 74 человека. 21 января 1788 г. команда, достигшая чуть более 90 человек приняла присягу: «По сей присяге по освещении знамени присягали команды верных казаков командир секунд-майор Захарий Чепега, есаул Алексей Письменный, хорунжий Лукьян Тиховский, атаман Андрей Чепега, Гаврила Чупрына...» (25). Надо отметить, что в это время есаулов, хорунжих и атаманов в команду Чепеги «определял» лично М.И. Кутузов.

Через несколько дней после принятия присяги Чепеге от Потемкина прислали пернач, как «знак данного начальства». Одновременно князь принял энергичные меры для ускорения комплектования малочисленной конной команды. Всем казачьим старшинам, желающим получить армейские чины, он приказал явиться к Чепеге на службу лично (часть из них посылала вместо себя наемников) и привести с собой еще по несколько человек (26). К маю 1788 г. численность конной команды возросла до 289 человек (27).

С апреля месяца конница З.А. Чепеги занималась разъездами, наблюдая за береговой линией. Главные события разворачивались на море. 17 июня в морском сражении под Очаковым был ранен, а 19 числа скончался войсковой атаман верных казаков С.И. Белый. Его преемником стал З.А. Чепега.

Разберем ситуацию с «выборами» атамана. Дореволюционные кубанские историки отстаивали тезис о том, что первые три атамана Черноморского казачьего войска именовались «кошевыми», так как были выбраны самими казаками на войсковой Раде. Однако документы конца XVIII века свидетельствуют, что ситуация с выборами и должностным наименованием атаманов не была столь однозначной. 2 января 1788 г. в ордере князя Г.А. Потемкина появляется обращение: «войска верных казаков господину атаману Сидору Белому» (28). Этим же днем датирован приказ генерал-поручика Бибикова «войсковому атаману г. секунд-майору Белому» (29).

Вероятно, 2 января или в ближайшие дни и последовал приказ

Потемкина о назначении С.И. Белого войсковым атаманом, так как уже 23 января Екатеринославский земский суд слушал последовавший по представлению светлейшего князя указ Екатеринославского наместнического правления, «коим давалось знать, что господин подполковник Сидор Белый наречен Войсковым атаманом верных казаков...» (30). В 20-х числах января появляются рапорты и самого С. Белого, подписанные «войсковой атаман» (31).

Наконец, сохранился и «лист» князя Г.А. Потемкина от 31 января 1788 г., адресованный «войсковому атаману, старшинам и всему войску» (32). Ссылаясь именно на этот документ, Сидор Белый 21 мая 1788 г. объявил войску («всем да известно будет»), что «Его светлость князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический сего года минувшего генваря 31-го дня,... меня войсковым атаманом до сего наименовавши...»(33). Ордер заверен печатью и подписан: «войсковой атаман Сидор Белый».

В подавляющем большинстве последующих рапортов казачьих командиров и распоряжений русских военачальников С. Белый называется «войсковым атаманом». Сам З.А. Чепега так писал о нем: «Предместник мой, бывший Войсковой Атаман...» (34). Во всех регулярных отчетах войска в вышестоящие инстанции первая строчка всегда заполнялась так: «Войсковой атаман – 1» (35). 17 и 19 июня 1788 г. Кош рапортовал Г.А. Потемкину о ранении и смерти «войскового атамана». Наконец, в своем завещании, датированном 27 мая 1788 г., Сидор Белый первые строки начал так: «Я раб божий Сидор Игнатьевич Белой войска верных казаков войсковой атаман...» (36).

Таким образом, официальный, правовой статус атамана С.И. Белого как войскового сомнений не вызывает. В случае с З.А. Чепегой все было сложнее. Но вначале о том, как он занял место атамана. После смерти С. Белого казаки, служившие на флотилии и составлявшие большую часть войска, избрали атаманом И. Сухину. Уже от него последовали и приказы, в том числе и к самому З. Чепеге, подписанные, кстати, «войсковой атаман». Но прошло всего несколько дней и чья-то могучая рука свергает неугодного «народного избранника» с престола. Нетрудно догадаться, чья эта рука. Сам З.А. Чепега в ордере А.А. Головатому 5 июля 1788 г. откровенно писал: «Его светлость... князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический определил меня в войско верных казаков Войсковым Атаманом...» (37). Далее он сообщал, что на это у него имеется открытый лист от 3 июля, и рекомендовал известить о своем назначении всех казаков. Интересно, что в листе Г.А. Потемкина речь шла об «определении атаманом кошевым Харитона

Чепеги». 4 июля 1788 г., по свидетельству переводчика при штабе Г.А. Потемкина Р.М. Цебрикова, лодочных казаков (чрезвычайно пьяных) собрали на берегу, представили им нового атамана и зачитали грамоту князя (38). 5 июля Г.А. Потемкин написал императрице: «...я на место сего почтенного старца (С. Белого – *Б.Ф.*) препоручил правление коша секунд-майору Чепеге...» (39).

За всеми этими свидетельствами не остается места для какой-то Войсковой Рады. Не имея возможности привести развернутую аргументацию в пользу нашего мнения, укажем, что документальных свидетельств о проведении какого-либо рода выборов нет. А такое грандиозное событие как созыв Рады и выборы атамана должно было породить столь оживленную переписку, что отголоски ее дошли бы до исследователей при самом неблагоприятном раскладе дел в архивной службе войска. Можно указать и на то, что выборы старшины без разрешения правительства были запрещены еще в Запорожской Сечи указом от 19 июля 1753 г. (40). С тех пор правительство только ужесточило позицию по этому вопросу и «верное войско» создавалось по образцу Донского, в котором с 4 марта 1738 г. атаман стал чином, жалуемым правительством, а в 1775 г. был ликвидирован Войсковой Круг (41). В лучшем случае речь может идти о «Старшинской Раде», принимавшей важнейшие решения еще в Сечи (42). Но и о созыве старшин никаких прямых свидетельств нет. В любом случае старшинская Рада являлась «ручной» для Г.А. Потемкина.

В интересующем нас аспекте показательна следующая малоизвестная история (43). Летом следующего 1789 г. казаки, недовольные своим атаманом, приговорили сместить его, а на его место выбрать другого. Но сделать это они не решились и подали прошение Г.А. Потемкину. Последний 29 июля запросил об этом З.А. Чепегу. В

случае желания атамана уйти с этой должности князь обещал всегда иметь его при себе и выплачивать получаемое им жалованье до самой смерти (вот еще один пример особо доброжелательного отношения Г.А. Потемкина к З.А. Чепеге). З. Чепега, конечно, отказался и занял это дело, выдав жалованье бунтовавшим казакам из собственных средств.

Но вернемся к проблеме «войсковой/кошевой» атаман. 4 июля 1788 г. на имя войскового атамана Чепеги поступает бумага от дежурного бригадира де Рибаса. Первые рапорты казачьих командиров адресованы также «войсковому» атаману. В журнале входящих бумаг З.А. Чепеги июльские повеления Главного Дежурства Екатеринославской армии поступают на имя «войскового атамана» (44). В журнале входящих бумаг Кошевого Управления сплошь употребляется выражение «войсковой атаман»

Но затем ситуация быстро и кардинально меняется. Все чаще обе стороны – Кош и русское командование – употребляют выражение «кошевой атаман». Сам Г.А. Потемкин мог в один и тот же день адресовать один ордер «войсковому» атаману, а второй – «кошевому».

По всей видимости, для русских сановников и генералитета эта словесная эквилибристика не имела особого значения и слова «войсковой» и «кошевой» воспринимались в целом как синонимы (второе, конечно, с известным налетом экзотики). В действиях же З.А. Чепеги, как мне кажется, просматривается определенная логика, определенная политическая заданность. Окрепшее войско пробует вернуть некоторые, пусть внешние организационные формы прежнего Запорожского войска. Статус «кошевого атамана» как бы возвращает войску самобытность, становится маркером, отличающим черноморцев от других казачьих войск. Выражение «кошевой атаман» довольно быстро становится преобладающим, а затем и единственным. Ордера Г.А. Потемкина и Высочайшие грамоты официально закрепляют этот статус.

За неимением места мы опускаем деятельность З.А. Чепеги в годы русско-турецкой войны 1787-1791 гг., труды по переселению Черноморского войска на Кубань, основание Екатеринодара и куренных селений, польский поход 1794-1795 гг. и многое другое. Остановимся лишь на двух позициях: награды З.А. Чепеги и его имущественное положение.

Дореволюционные историки вели речь о четырех наградах З.А. Чепеги: орденах Св. Георгия 4-й и 3-й степеней и Св. Владимира 3-й и 2-й

степеней.

У современных исследователей мы встретим более противоречивые сведения. Авторы атаманских биографий в «Кубанском краеведе» упоминают только о трех орденах (45). О трех орденах говорится и в «Энциклопедическом словаре по истории Кубани (46). Составители Летописи «Екатеринодар-Краснодар» придерживаются следующей точки зрения: «За турецкую кампанию награжден чином бригадира армии, орденами св. Георгия и св. Владимира, золотым Измаильским крестом...». В.А. Соловьев пишет о четырех орденах, но считает, что за польский поход З.А. Чепега, кроме ордена св. Владимира II ст., получил еще и «Золотой польский крест» (47).

Налицо разногласие по вопросу о количестве орденов. Кроме того, появились две, ранее неизвестные награды – Измаильский и Польский кресты. Что касается «польского креста», то речь, вероятно, идет о кресте за взятие предместья Варшавы - Праги. В именном рескрипте Екатерины II от 1 января 1795 г. по поводу награждения этим крестом говорилось: «Всем бывшим действительно на штурме Прагском Штаб и Обер-офицерам, которые тут не получили орденов военного Святого Георгия и Святого Владимира, жалуем золотые знаки для ношения в петлице на ленте с черными и желтыми полосами...» (48). Следовательно, З.А. Чепеге, получившему за штурм Праги орден св. Владимира 2-й ст., этот крест просто не полагался.

Точно такой же статут имел и крест за взятие Измаила – он также вручался только тем офицерам, кто не получил за штурм орден. Об этом неоднократно писалось в литературе по фалеристике, сошлемся только на мнение такого известного специалиста, как В.А. Дуров (49). А З.А. Чепега, как мы помним, удостоен за взятие Измаила Георгия 3-й ст.

Отсутствие у З.А. Чепеги указанных крестов подтверждает и церемониал его погребения. Один из его пунктов гласит: «На двух сшитых с тонкого хорошего зеленого сукна, обложенных вокруг серебряным бузументом подушках два креста, на одной по правую сторону Владимирский 2 ст. со звездой, на второй по левую сторону Георгиевский 3 класса» (50). Отсутствие на похоронах орденов двух низших степеней, возможно, объясняется отправкой их в Капитул Российских орденов.

Одним из видов института наград в России являлось наградное и жалованное холодное оружие. Биографы З.А. Чепеги дружно пишут о том, что, находясь в 1794 году в столице, атаман получил от императрицы дорогую саблю. По нашим сведениям, у З.А. Чепеги имелось две сабли и происхождение их легко прослеживается (51). Одну

саблю подарил Чепеге 14 апреля князь Г.А. Потемкин. А летом 1792 г. Екатерина II пожаловала кошевому атаману «осыпанную дорогими камнями саблю». Пожалование еще одной сабли буквально через два года вряд ли возможно (в русской армии не были приняты повторные награды), да и наличие третьей сабли не подтверждается никакими источниками.

Рисуя образ требовательного, но справедливого, простодушного и даже «кампанейского» батьки-атамана, исследователи стыдливо умалчивают о том, что З. Чепега был довольно крупным помещиком. Ничего одиозного в этом нет, ибо находится в моральных рамках своей эпохи. Выше мы упоминали о том, как Чепега удовлетворял чистым золотом требования бунтующих казаков. У него имелась дача при урочище Громоклея, на Херсонщине ему принадлежала деревня Любарка «с людьми, скотоводством, овечьим и пчельным заводом». Своих крестьян атаман все время обещал отпустить на свободу, но так этого и не сделал (52). На Кубани Чепега владел двумя «черкесскими кутами с лесами» близ Екатеринодара, огромным хутором на р. Кирпилех (в 1794 г. в нем числилось 14 казаков-работников), «большим садом с багами виноградными» на Тамани, плотинной мельницей на р. Бейсуге и большим домом в Екатеринодаре.

В биографии З.А. Чепеги еще очень много белых пятен, если не сказать «черных дыр». Хочется надеяться на помощь украинских историков, у которых, судя по ряду публикаций, есть интересные материалы по ранней истории черноморского казачества. Возможно, ответы на многие вопросы лежат в центральных архивах страны.

Примечания

1. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 1. С. 534.
2. Короленко П.П. Кошевые атаманы Черноморского казачьего войска в конце XVIII столетия. СПб, 1901. С. 27-28.
3. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф. 249. Оп. 1. Д. 218а. Л. 320.
4. Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991. С. 21.
5. Трамбицкий Ю.А. Чины и звания русской армии//Военно-исторический журнал. 1991. № 9. С. 90.
6. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 225.
7. Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т. III. СПб, 1896. С. 581.
8. Мазеин В.А., Роцин А.А., Темиров С.Г. Атаманы Черноморского,

- Кавказского линейного и Кубанского казачьих войск // Кубанский краевед. № 3. Краснодар, 1992. С. 64; Екатеринодар-Краснодар. Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 13.
9. Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. СПб, 2002. С. 270.
 10. Гринченко Б. Словарь украинской мовы. Т. 4. Киев, 1997. С. 452.
 11. Бежкович О.С. Эволюция рільничного зняряддя на Кубани//Науковий збірник. У Києві, 1931. С. 86.
 12. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 762. Т. 2. Л. 343 об.
 13. Аствацатурян Э.Г. Указ. соч. С. 270.
 14. Скальковский А.А. История Новой Сечи или последнего Коша запорожского. Одесса, 1846. Ч. III. С. 34.
 15. Фелицын Е.Д. Материалы для биографии Кошевого атамана черноморского войска Захария Алексеевича Чепеги//Кубанский сборник. Т. VII. Екатеринодар, 1900. С. 265, 266, 267, 270.
 16. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.
 17. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 11. Л. 74.
 18. Там же. Л. 116.
 19. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 20. Л. 9.
 20. Фелицын Е.Д. Указ. соч. С. 267.
 21. Туренко А.М. Исторические записки о войске Черноморском//Киевская старина. 1887. Т. 17. № 3. С. 499.
 22. Короленко П.П. Черноморцы за Бугом. Екатеринодар, 1867. Прилож. 1.
 23. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
 24. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 13. Л. 10.
 25. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.
 26. Дмитренко И.И. Указ. соч. Т. II. СПб, 1896. С. 9.
 27. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 9а. Л. 122.
 28. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.
 29. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
 30. Дмитренко И.И. Указ. соч. Т. III. С. 9.
 31. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.
 32. Короленко П.П. Указ. соч. Прилож. 3.
 33. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 11. Л. 88.
 34. Дмитренко И.И. Указ. соч. С. 94.
 35. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 16. Л. 4.
 36. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 6. Л. 25.
 37. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 11. Л. 98.
 38. См. Сапожников И.В. Остров Березань и его штурм 7 ноября 1788 года. Ильичевск, 2000. С. 93.
 39. Короленко П.П. Предки кубанских казаков на Днестре. Б/м, б/г. С. 32.
 40. Короленко П.П. Предки кубанских казаков на Днепре//Кубанский сборник. Т. 7. Екатеринодар, 1900. С. 30.
 41. Маркедонов С.М. Донское казачество и Российская империя //

- Общественные науки и современность. М., 1998. № 1. С. 106.
42. Александров П.Г. Ликвидация Запорожской Сечи в свете новых фактов// Возрождение казачества (история, современность, перспектива). Ростов-на-Дону, 1995. С. 42.
43. Короленко П.П. Предки кубанских казаков на Днестре. С. 61.
44. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.
45. Мазеин и др. Указ. соч. С. 64.
46. Энциклопедический словарь по истории Кубани. Краснодар, 1997. С. 515-516.
47. Соловьев В.А. Захарий Чепега // Вольная Кубань. 1996. № 43.
48. Кузнецов А., Чепурнов Н. Наградная медаль. М., 1992. С. 167.
49. Дуров В.А. Из истории российских наград // Советский музей. 1992. № 5. С. 61; Звезду! Суворову Александру Васильевичу // Родина. 2000. апрель. С. 57.
50. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 354.
51. Фролов Б.Е. Наградное и жалованное оружие первых атаманов Черноморского казачьего войска//Проблемы развития казачьей культуры. Майкоп, 1997.
52. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 52. Л. 265.